

Александр Калмыков

НА ПУТИ «ТАЙФУНА»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Калмыков
На пути «Тайфуна»
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

предоставлено правообладателем

<https://litres.ru/7692531>

Александр Калмыков «На пути «Тайфуна». Серия «Военная фантастика». Выпуск 100. Литературно-художественное издание 16+: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2017 ISBN 978-5-17-101718-7

Аннотация

<p>Осень сорок первого года не лучшее время для попаданца. Киев уже пал, к Москве рвутся танковые полчища врага. Но выбирать не приходится, и пришелец из будущего не станет отсиживаться в тылу, пока идет война, а значит, остается один путь – на фронт: помогать своим предкам там, куда его привела судьба. Станет ли Западная Двина новым рубежом в этой войне, зависит от того, насколько призванный секретным артефактом Александр Андреев сумеет воспользоваться своим послезнанием, чтобы вся история пошла по-другому.</p>

Содержание

Глава 1	4
18 сентября 1942 г.	4
Глава 2	46
19 сентября. 01.00	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Калмыков

На пути «Тайфуна»

Глава 1

18 сентября 1942 г.

Сталин сердито ходил по своему кабинету, в раздражении перекладывая из рук в руки пустую трубку. Причины для недовольства у него имелись более чем серьезные. Положение на юге стало просто катастрофическим, а ведь еще несколько дней назад в его силах было спасти ситуацию. Но он до последнего момента надеялся, что Гудериана удастся остановить. Шапошников, которому Верховный так верил, утверждал, что Брянский фронт в состоянии помочь Юго-Западному, и что никакого окружения не будет. И он, Сталин, не стал прислушиваться ни к командующему фронта, ни к старому соратнику Буденному, возглавлявшему южное направление, считая, что они просто поддались панике.

Даже когда 12 сентября с Кременчугского плацдарма начала наступление немецкая танковая группа, сразу прорвавшая фронт, он все еще надеялся, что окружения удастся избежать. Достаточно только назначить нового главкома на-

правления. Но новый главком – Тимошенко, тоже подтвердил, что нужно оставить Киев и как можно скорее отходить на восток. Вот только пока назначали нового командующего и пока он разбирался в текущей обстановке, драгоценные дни, когда еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск, были потеряны. Потом еще сутки шли согласования со Ставкой, и потому приказ об оставлении Киева, который был издан вчера, уже не имел никакого значения. Немцы замкнули кольцо окружения, в которое попали 450 тысяч человек. Без подвоза боеприпасов они смогут продержаться лишь несколько дней. К тому же большинство окруженцев были плохо вооруженными тыловиками, которые не в состоянии организовать устойчивую оборону. Хорошо, если хотя бы тысяч пятьдесят или шестьдесят из них смогут выйти из кольца окружения, а остальных, к сожалению, ждут гибель или плен.

Хотя ни один человек не осмелится сказать ему это в глаза, но Сталин знал, что в поражении советских войск на юге в конечном итоге виноват он, Верховный главнокомандующий.

Для исправления ситуации на фронте срочно требовалась помощь, но взять ее было неоткуда. Переговоры с Англией об открытии Второго фронта шли уже два месяца, но Черчилль упорно игнорирует все просьбы высадить свои войска в Западной Европе или прислать двадцать-тридцать дивизий в Советский Союз. Он даже не хочет провести операцию в

Норвегии, мотивируя это недостатком кораблей у Великобритании – совершенно нелепая отговорка для Владычицы морей.

Наконец, Сталин принял решение и, не без некоторого колебания, подошел к столу. «Ну хорошо, – обреченно подумал он, – соглашусь на предложение Берии. Хуже от этого действительно не станет. В конце концов, я просто потрачу несколько минут».

Отбросив сомнения, Верховный, наконец, решительно поднял трубку прямого телефона и коротко приказал наркому внутренних дел:

– Лаврентий, неси.

Что нужно нести, пояснять не требовалось. Началось все несколько недель назад, когда Московский Патриарх предложил помощь церкви для борьбы с врагом. Он, к примеру, советовал поместить чудодейственные иконы в самолет, который должен облететь опасные места фронта. Разумеется, такого разрешения глава Советского государства дать не мог, да и смысла в подобной процедуре никакого не видел. Сталин сам когда-то учился в духовной семинарии и прекрасно знал, что хотя иконы и могут вылечить некоторые болезни, но лишь при условии, что человек искренне верующий и хорошо поддается внушению. Что же касается боевых действий, то примеры трех войн: Японской, Германской и Гражданской, наглядно показали, что церковь не в силах помочь одолеть противника в современной войне.

Впрочем, некоторого эффекта священники все равно смогли добиться: при малейшем успехе наших войск тут же распускались слухи о том, что помогла чудодейственная икона, которую недавно провозили вдоль линии фронта. Верующих солдат это действительно очень поддерживало, и потому с подобными слухами не боролись.

– Пусть говорят что угодно, хоть то, что у меня в кабинете икона висит, а на фронт ее возит мой личный самолет, – отшучивался Сталин, когда ему докладывали о подобных зарождавшихся мифах. Все равно все прекрасно знали, что вождь боится летать, и личного самолета у него никогда не было. – Если церковники смогут подбодрить хотя бы тысячу бойцов, то уже этим принесут огромную пользу стране.

Но вот что зацепило Верховного, так это предложение воспользоваться шкатулкой Велеса. Официально она называлась реликвией святого Николая, но на самом деле ее происхождение относится еще к эпохе дохристианской Руси. Когда в XIV веке Сергей Радонежский уговорил князя Дмитрия вырубить священные дубовые роци язычников и изгнать волхвов, то все предметы языческого культа были уничтожены, кроме одного, который якобы помогал стране независимо от того, какую религию в ней исповедовали. Использовал ли ее Дмитрий Донской, в летописях не сказано, но достоверно известно, что артефакт применяли во время Смуты в начале XVII века.

То, что христианский священник уговаривал воспользоваться языческой святыней, заставляло предположить, что она действительно может принести какую-то пользу. Поэтому, на всякий случай, Сталин распорядился шкатулку исследовать и держать наготове.

Нарком внутренних дел вошел в кабинет с чемоданчиком в руке, который нес лично, никому не доверяя. Он извлек из него небольшую шкатулку и, поставив на стол, начал объяснять:

– Сама коробочка значения не имеет, это новодел более поздней эпохи, а вот то, что в ней хранится – действительно вещь уникальная. Честно говоря, я не думаю, что ее могли изготовить древние славяне, да и вообще кто-нибудь в то время.

Артефакт представлял собой белый параллелепипед, размером с небольшую книжку. Только верхняя сторона у него была совершенно черной, с маленьким значком в уголке, похожим на стилизованное изображение головы быка. Видимо, отсюда и появилось легенда, связывающая этот предмет с богом скотоводства Велесом.

– Мы исследовали его всеми возможными методами, товарищ Сталин. Материал не похож на металл, но он очень твердый. Совершенно невозможно сделать скол образца. Его нельзя поцарапать даже алмазом.

– Да, вещь действительно очень странная, – согласился

Верховный, – но вот только поможет ли она нам?

Сталин повертел в руках необычный предмет, на котором не имелось ничего похожего на тумблер или кнопку, и осторожно поставил на стол.

– Как его включить?

– Как мне объяснили... хм... священнослужители, глава государства просто должен сказать, что отечество в опасности и попросить помощи. После этого появится человек, который сможет нам помочь.

В СССР официальной должности правителя страны не имелось, но, заняв недавно посты председателя Совнаркома, Верховного главнокомандующего и председателя ГКО, Сталин, безусловно, стал полноправным главой государства. Поэтому Верховный без тени сомнения нагнул ся поближе к странному предмету и отчетливо произнес:

– Отечество в опасности, очень нужна помощь. Срочно!

Тотчас на верхней стороне предмета появилось несколько строчек с непонятными символами, не похожими ни на один земной алфавит. Лишь нижняя строка состояла из вполне узнаваемых арабских цифр, указывающих текущую дату и время:

«1941-09-18 21-05-12-8379 +70».

Экспериментаторы настороженно огляделись вокруг, но больше ничего удивительного не произошло, и таинствен-

ный человек так и не появился. Выждав еще пару минут, Сталин задумчиво поинтересовался:

– Лаврентий, а где шкатулка хранилась триста лет назад?

– После Смуты артефакт отправили охранять западную границу страны, как раз в те места, где он изначально появился. Патриархи неодобрительно относились к святыне языческого происхождения, и его не решались держать в Москве. Долгое время шкатулка хранилась в Никольской церкви, расположение которой достоверно неизвестно. Она находилась то в Смоленской губернии, то в Тверской, а то и вовсе в Псковской. Но совершенно точно известно, что последние сотни лет, вплоть до самой революции, предмет не перемещали.

– Что это еще за странствующая церковь такая? Сплошная мистика.

– Дело не в мистике, товарищ Сталин. Просто в тех глухих места вокруг лишь леса и болота, поэтому границы между губерниями точно не межевали, а наносили на карту как бог на душу положит. Поэтому я могу указать только примерный район в верховьях Западной Двины.

– У Западной Двины? – Верховный побагровел и на миг даже потерял самообладание. – Лаврентий, там же сейчас идут бои! Так что поторопись с поисками этого «посланца», очень тебя прошу.

Просьба Верховного означала гораздо больше, чем просто приказ, и нарком буквально пулей вылетел из кабинета. Ста-

лин же еще немного постоял над странным предметом и со вздохом спрятал шкатулку в ящик стола:

– Очень интересно, – вполголоса пробормотал он. – Если перед революцией его доставали, то почему не использовали?

* * *

На западе, там, где медленно угасала заря, всю сверкало и грохотало. Очень похоже на новогоднюю ночь, когда во всех дворах пускают ракеты и взрывают петарды. Но ведь сейчас только сентябрь! Может быть, здесь празднуют какой-нибудь «день района», но откуда в этой глуши столько народа, чтобы устраивать грандиозный праздник? И вообще, куда это я попал?

Еще несколько минут назад я ехал в машине, размышляя о своих важных проблемах. Хотелось бы принять участие в реконструкции, которую проводит в ноябре военно-исторический клуб «Пехотинец», но, оказывается, сделать аутентичное обмундирование и снаряжение времен войны намного сложнее, чем средневековые доспехи. Увы, но похоже, что в этом году красноармейцем мне стать не суждено.

С древними эпохами намного проще – склепал одну кольчугу и можешь изображать в ней хоть викингов, хоть рыцарей или даже римлян. Как раз такая кольчужка сейчас была надета на меня под курткой. Пользуясь последними теплы-

ми деньками бабьего лета, все клубы старались провести на природе свои игры и соревнования. Вот и я весь день провел в подмосковном лесу с такими же любителями подраться старинным оружием, а утром меня уже ждали другие соревнования, готовившиеся недалеко от Питера.

Я очень спешил, поэтому, не оставшись на ужин, переделся в гражданское и приготовился к отъезду. Машина у меня была хотя и не новая, но недавно полированная, сверкала красивым черным цветом. Чтобы гармонировать с ней и выглядеть более стильно, я, перед тем как сесть за руль, обычно надевал черные брюки, рубашку и куртку. Все оружие и снаряжение было сложено в багажник. Короткую кольчугу, поддевавшуюся под пластинчатый доспех, я недавно переделал, сделав немного пошире и заменив часть колец. После переделки она стала удобнее, но чтобы к ней заново привыкнуть, ее следовало носить почаще. Поэтому, тщательно протерев кольчужку, я надел ее на рубашку, не забыв прикрыть курткой, чтобы на меня никто не тарасился.

Чтобы успеть приехать пораньше и хоть немного отдохнуть, я самонадеянно решил срезать путь и теперь ехал по незнакомой дороге в сгущавшихся сумерках. Задумавшись, я на секунду отвлекся от управления, а когда снова посмотрел на дорогу, увидел, что впереди появился туман, из которого бьет яркий свет фар. От резкого нажатия на тормоз машина развернулась и наполовину съехала на обочину, но аварии все-таки удалось избежать. Посидев с полминуты непо-

движно и окончательно придя в себя, я с облегчением убедился в том, что ни в кого не врезался, и все закончилось хорошо. Но свет впереди горел по-прежнему. Вполне возможно, что там случилась авария и есть пострадавшие.

Прихватив с собой аптечку для оказания первой помощи, я поспешил вперед, принохаясь, не пахнет ли разлитым бензином. Видимость в тумане была нулевая, и ориентироваться можно было только по яркому свету. Неудивительно, что в таких условиях водитель встречной машины остановился.

Медленно ступая мелкими шажками, я потихоньку приблизился к источнику света, недоумевая, почему не видно очертаний автомобиля, как вдруг фары, если это были они, неожиданно выключились. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно, что непонятный туман уже рассеялся, и заодно изменилась вся окружающая местность. Асфальтовое покрытие дороги исчезло, а ее место заняла грунтовка с огромными колдобинами. Моей машины тоже нигде не наблюдалось, хотя я не удивился бы, если бы она вдруг превратилась в телегу. А еще впереди, в том направлении, куда я собирался ехать, полыхали зарницы и раскатисто грохотал гром.

Чтобы оглядеться, я поднялся на ближайший холмик и с него бегло осмотрел окрестности, все больше изумляясь, настолько дикой и неухоженной стала местность. Что же касается «праздничного салюта», бушевавшего и на западе, и на юге, то, присмотревшись к нему внимательно, я буквально

похолодел. Если ближайшие ко мне вспышки и можно было принять за разрывы петард и ракет, то зрелище, происходящее в нескольких километрах севернее, напомнило мне совсем другое. Так взрывались снаряды на горящем военном складе. Лет двенадцать назад на артиллерийских складах, расположенных недалеко от Волгограда, начался пожар, продолжавшийся несколько суток. Снаряды рвались не переставая, и ночью вспышки от взрывов были видны издалека, прямо как сейчас. Да и грохот стоял примерно такой же.

Так, попробую взять себя в руки и составлю алгоритм действий. Чтобы разобраться в непонятной ситуации, надо сначала найти людей и расспросить их, что же тут такое происходит. Вот только где можно разыскать местных жителей, если впотьмах ни одной деревушки не видно? Единственным зданием, находящимся в пределах видимости, была большая полуразрушенная церковь, и я решил пойти к ней. Авось, встречу когонибудь.

Неожиданно сквозь постоянный шум разрывов послышался слабый стон. Так как других планов у меня все равно не было, я поспешил в ту сторону, посмотреть, не нужна ли моя помощь. В слабом свете зари мне удалось разглядеть сидевшего на ящике раненого солдата, держащегося за окровавленную ногу и тихонько ругающего немцев. На нем была форма бойца Красной армии начала сороковых годов, и я облегченно вздохнул, догадавшись, что тут происходит:

– У вас тут что, тоже реконструкция?

– Никак нет, там бой идет, – устало объяснил красноармеец. – Я нес боеприпасы, но мне шальным осколком ногу задело.

– Я вам сейчас помогу.

– Не надо, товарищ, – решительно возразил боец, хотя из порванной брючины у него сочилась кровь. – Лучше отнеси патроны на передовую, а до медсанбата я сам как-нибудь доберусь.

Не слушая возражений, я достал из автомобильной аптечки бинт в стерильной упаковке, разрезал ножницами штанину и быстро обмотал раненую голень солдата. Спасибо приобретенному в ролевых играх опыту перевязки, он сейчас оказался весьма кстати.

– Похоже, перелома нет, так что сейчас возьмете палку и дойдете до медпункта. Только на раненую ногу не опирайтесь. А почему у вас нет индпакета, вы же могли кровью истечь?

– Еще в августе последние бинты израсходовали, – нахмурился от неприятных воспоминаний красноармеец. – А когда из окружения выходили, то все имущество пришлось оставить. Нам бы на формировку, но приходится фронт держать.

Окружение, фронт. Это я где или, вернее, когда? И тут меня посетила просто великолепная идея, как можно узнать текущую дату, не вызывая подозрений.

– Боец, а у вас сотрясения мозга нет? Сознание ясное?

– Так точно. А вы товарищ... уполномоченный? – Видимо, из-за кожаной куртки он принял меня за опера или особиста.

– Нет, меня еще не призвали. Старший лейтенант запаса Андреев. Давайте проверим ваше состояние. Назовите свое имя и сегодняшнюю дату. – Спрашивать о номере части я поостерегся, все-таки военная тайна.

– Федоров я, Василий. А сегодня 18 сентября 1941 года.

– Вот как. – Мои подозрения, к сожалению, оправдались. – Ну хорошо, а теперь поспешите в санчасть, а я займусь боеприпасами.

Федоров заковылял в медсанбат, опираясь на палку, а я схватил тяжеленный ящик, взвалил на плечо и зашагал в сторону передовой. Произошедшее было для меня некоторым шоком, хотя надо признать, не очень сильным. Прочитав не один десяток книг про попаданцев, я не относился к происходящему как к чему-то невероятному. Вопросов, что делать, тоже не возникло. Надо помогать своей стране. Вот только как? Если бы у меня имелся мобильник или еще какие-нибудь устройства из будущего, то все было бы просто. Но все электронные устройства остались в машине, а без них мне никто не поверит. Значит, вариант «всезнающего советника» Верховного отпадает. Что еще остается? Устроиться где-нибудь на завод или в КБ я не могу, навыков работы без компьютера у меня, конечно, нет. Отсутствие документов еще можно попытаться свалить на войну и эвакуацию, но тот

факт, что я ничего не умею делать, мне не скрыть. Впрочем, как и большинству нормальных людей, мне не хочется отсиживаться в тылу, пока идет война. А значит, остается только один путь – на фронт. Ну что же, вот как раз туда я и иду.

Теперь надо решить, воевать ли мне рядовым бойцом, или претендовать на место командира. Хотя я и отучился на военной кафедре, и даже отслужил в армии, но насчет своих способностей никаких иллюзий не питал. Те немногие теоретические знания, которые у меня когда-то имелись, давно выветрились из памяти. А практических навыков не было и вовсе, так как во время прохождения службы я занимался чисто канцелярской работой на древних ЭВМ. Но с другой стороны, сейчас, в сорок первом, командирами рот ставят младших лейтенантов – вчерашних школьников, прошедших ускоренные курсы, а комбатами зачастую назначают выпускников техникумов, закончивших военную кафедру. Неужели я не дотягиваю до их уровня? Тем более что сейчас очень многие командиры действуют не очень грамотно: карты читать не умеют, ложные позиции, предусмотренные наставлениями, не строят. Боевого опыта нет не только у меня, но и у большинства кадровых военных, не говоря уже о недавно призванных в армию. К тому же мое послезнание о войне должно неплохо помочь.

Правда, если я собираюсь стать комвзвода, то нужно учесть один важный момент: Нынешние уставы, в мое время безнадежно устаревшие, значительно отличаются от совре-

менных, и о них я ничего не знаю. Единственное, что твердо усвоил из книг, это не называть красноармейцев солдатами, а командиров – офицерами. Обычно на этом попаданцы и прокалываются.

Так смогу я командовать или нет? Вопрос остается открытым, и над ним надо хорошенько поразмыслить.

Впрочем, хорошая физическая нагрузка, выразившаяся в таскании тяжестей, и острый угол ящика, больно давящий на плечо, не давали мне слишком глубоко погрузиться в дебри самоанализа. К тому же быстро темнело, идти стало труднее и приходилось внимательно смотреть под ноги. Правда, постоянно появлялись яркие вспышки взрывов, но они слепили глаза, а потом быстро гасли, и потому скорее мешали, чем помогали освещать путь.

Вдруг что-то неприятно взвизгнуло совсем рядом со мной, и от ближайшего дерева отлетело облако щепок и кусочков коры. От неожиданности я споткнулся и чуть не уронил свою ношу. Хорошо еще, что я недавно ходил в туалет, а то мог бы случиться маленький конфуз. После такого стресса, когда ты чуть не погиб, люди или впадают в апатию, или же у них происходит выброс адреналина в крови. К счастью, мой организм, натренированный боевыми играми с жесткими правилами, выбрал второе, и я ринулся вперед с удвоенной энергией и с притупленным чувством страха.

По мере приближения к месту сражения взрывы становились все громче, и уже стал слышен посвист пуль над голо-

вой, так что пришлось переместить ящик с плеча на спину и идти дальше пригнувшись. Но вот, наконец, линия окопов, кое-где перерытая воронками. Добравшись до нее, я с облегчением спрыгнул вниз. Теперь есть хоть какая-то защита от визжащих то и дело осколков. Вылезать наверх мне решительно не хотелось, и я пробежался вдоль траншеи в поисках хода сообщения, ведущего дальше. К счастью, бойцы, копавшие линию обороны, ничего не забыли, и ход, ведущий в нужном направлении, быстро нашелся. Он был не очень глубоким, и идти все равно пришлось пригнувшись. Сообразив, что прикрываться от пуль и осколков ящиком с боеприпасами все-таки не стоит, я переместил его вперед. Идти согнувшись, прижимая к себе тяжелый и неудобный груз, было трудно, но мои мучения скоро закончились. После очередного поворота ход сообщения пересекался с окопом, в котором находились люди в красноармейской форме, стреляющие из длинных винтовок времен войны.

– Бойцы, принимай патроны, – задыхаясь от бега, прохрипел я.

Оглянувшись на меня, красноармеец с сержантскими треугольниками в петлицах подозвал ближайшего солдата:

– Сидоров, быстро тащи пулеметчикам.

Боец избавил меня от ящика, недовольно буркнув:

– Давай сюда, ну кто так держит. – И радостно побежал с ним к пулеметному расчету, смачно комментируя вслух, что они сейчас такого устроят немцам.

Сержант вопросительно посмотрел на меня, и я громко, чтобы меня было хорошо слышно в таком грохоте, прокричал:

– Старший лейтенант запаса Андреев. В армию пока не призван. Оказался здесь случайно и встретил вашего раненого бойца Федорова.

– Младший сержант Стрелин, – представился в ответ собеседник. – Я вижу, вы без оружия, но ничего. Винтовки у нас есть, так что если можете, присоединяйтесь.

После короткого осмотра места событий стало ясно, что противник ведет наступление превосходящими силами. Сейчас немцы залегли и обстреливают нас издалека. Метрах в трехстах впереди горел подбитый танк с башней необычной формы. К счастью, других танков здесь не было, но недалеко от него стоял полугусеничный броневик, который поливал наши позиции огнем из пулемета.

С нашей стороны отвечала только редкая цепочка винтовочных вспышек, и лишь в двух местах строчили пулеметы, да изредка хлопал миномет. Плохо, что огневой поддержки у нас так мало. Этого явно недостаточно для полноценного боя. Но ведь танк же из чего-то подбили! Если бы он наехал на мину, то, скорее всего, просто потерял бы гусеницу, а не горел так красиво.

– У вас пушки есть? – крикнул я в ухо сержанту.

– Там две, – он махнул рукой, – их еще в начале боя накрыло.

– Пойдем, глянем, может, из них еще можно стрелять.

Младший сержант кивнул, и мы с ним побежали, пригибаясь, по ходу сообщения, который привел нас к оружейному дворику, разделенному валиком на две части. Пушки, как я и предполагал, были маленькими сорокапятками. Странно, что их разместили так близко друг от друга, ведь расчеты обоих орудий можно было накрыть одним выстрелом. Да, видимо, так и произошло. На краю площадки лежали тела трех убитых артиллеристов, но раненых не было, видимо, санитары уже успели их унести.

Одна из пушечек, направленная на танк, была присыпана землей, с наполовину оторванным нижним щитком. Я быстро, насколько это возможно в сумерках, осмотрел ее, надеясь, что основные механизмы уцелели. К сожалению, накатник у нее был мокрый, а это означало, что масло из тормоза отката вытекло, и стрелять из пушки уже нельзя. Вторая сорокапятка была почему-то развернута влево, видимо, оттуда тоже ждали нападения. На вид пушечка казалась вполне исправной. Я пошевелил рукоятку затвора – вроде работает нормально. Правда, панорама разбита, а резиновый наглазник с окуляром отсутствовали. Но на маленькой дистанции можно попробовать управиться и без прицела. Остается только надеяться, что орудие успели привести в боевое положение, потому что без инструкции невозможно быстро разобраться, где находятся предохранитель затвора и стопоры различных механизмов.

Махнув рукой Стрелину, я показал ему, что хочу выкатить пушку на позицию. Мы схватили станины, приподняли, откатали сорокапятку назад, а затем, развернув ее в сторону противника, подкатали к брустверу. Дно дворика было ровным и утопанным, вес пушки, насколько я помнил, всего килограммов пятьсот или шестьсот, поэтому вдвоем мы легко справились. Хотя крышка одного из колес изорвана осколками, но, судя по всему, она заполнена губчатой резиной, и такое повреждение было несущественным. Опустив станины, мы надавили ногой на сошники, поглубже вгоняя их в землю.

После этого сержант побежал к ровику метрах в десяти сзади нас, где должны храниться ящики со снарядами, а я стал искать, где тут «что нажимать, чего вертеть», как метко заметил Незнайка, пытающийся управлять космической ракетой.

Судя по автомобильным колесам, орудие было улучшенной конструкции, с полуавтоматическим затвором. Это нам на руку, меньше возни будет. С левой стороны располагались два маховика поворотного механизма. Кто из них регулируют вертикальную, а кто горизонтальную наводку, определить опытным путем было несложно. Я повернул орудие в сторону работающего пулемета, а потом присел на корточки и, заглядывая в ствол, поправил наводку, стараясь, чтобы вспышки выстрелов виднелись чуть выше середины канала ствола. На таком расстоянии силуэт броневика занимал примерно

одну треть от диаметра отверстия ствола, и попасть в него можно было даже без прицела.

Стрелин уже принес деревянный чемоданчик, в котором хранились выстрелы для орудия, и открыл его. Какие там снаряды, я не знал. Во-первых, не разбираюсь в тогдашней маркировке, а во-вторых, все равно ничего не смог бы прочитать в темноте.

Сержант осторожно, чтобы не сбить прицел, засунул снаряд в патронник и закрыл затвор, а я тем временем искал спусковой шнур, но его почему-то нигде не было. Но спасибо фильмам о войне, я догадался, что нужно нажать на большую кнопку, расположенную в центре одного из штурвалов.

Грохнул выстрел, пушка качнулась, и вспышка взрыва осветила полугусеничный броневик. Недолет составил примерно метров пять. К этому времени я был уже полуоглушенный, поэтому громкость выстрела меня особо не впечатлила. Впрочем, если бы мы стреляли бронебойными снарядами, то выстрел был бы намного громче.

– Патрон возьми из этого же ящика. Нам как раз осколочный снаряд и нужен, – заорал я как можно громче, опасаясь, что сержант меня не услышит, а сам тем временем повернул маховик вертикальной наводки на пол-оборота.

Немецкий пулемет пока молчал, но я понимал, что скоро он может заработать опять. Но вот снаряд в стволе, затвор закрыт, выстрел, и теперь уже огненный шар закрыл весь силуэт бронетранспортера. Еще один снаряд – контрольный, и

можно заниматься пехотой.

Теперь заглядывать в ствол смысла не было, что меня очень обрадовало, так как дым от сгоревшего пороха не только снижал видимость, но и заполнял мне весь нос, заставляя чихать. Я направлял орудие примерно в ту сторону, откуда виднелись вспышки выстрелов, и стрелял. Стрелин уже наловчился и заряжал быстро, но, к сожалению, в лотке оказалось только пять патронов. Я все-таки рассмотрел маркировку боеприпасов на ящике – можно было и догадаться, что осколочные снаряды помечаются буквой «О». Теперь мы побежали к ровику вдвоем и принесли каждый по одному лотку. Не знаю, сколько патронов входит в боекомплект сорокапятки, но в двух глубоких ровиках лежало не меньше сорока ящиков, и похоже, что большинство из них с осколочными боеприпасами.

Стрельба снова возобновилась. Сорокапятка не зря считалась скорострельной пушкой. Конечно, делать выстрел каждые три, а то и две секунды, как это удается опытным артиллеристам, мы не могли. Ведь сержанту приходилось быть сразу и подносчиком и заряжающим, а мне, соответственно, наводчиком и замковым. Но десять снарядов мы выпустили меньше чем за минуту.

Немцы быстро сориентировались и стали в ответ стрелять в нашу сторону, но высокий бруствер хорошо закрывал от огня противника. Только несколько пуль цвиркнуло совсем рядом, заставив нас пригнуться еще сильнее, а одна даже со

звоном попала в орудийный щит, выбив из него снопы искр, но закаленная броневая сталь выдержала.

Уже после десятка выстрелов огненная перепалка стала потихоньку стихать. Попав под артобстрел и оставшись без прикрытия брони, немцы поняли, что им здесь ничего не светит. Разумеется, маленькие 45-миллиметровые снарядики не очень эффективны против пехоты, но фрицев и так уже изрядно потрепали. Как только враги стали отходить и почти перестали отстреливаться, я уже не мог стрелять прицельно по вспышкам и прекратил огонь. Горевшая бронетехника поле боя освещала плохо.

Ну вот, а теперь можно узнать больше о текущей обстановке.

– Сержант, далеко позиции противника?

– За рекой, – лаконично ответил сержант.

– А где река?

– Прямо перед нами в шестистах метрах.

Теперь, когда вспышек выстрелов и взрывов стало меньше, я, приглядевшись, действительно увидел вдалеке поблескивающую поверхность реки. Взяв половинку бинокля, валявшуюся рядом, я начал разглядывать местность через покрытые трещинами стекла в поисках моста или плотов. Чуть левее наших позиций поперек реки была протянута тонкая темная линия – очевидно, та самая переправа, по которой немцы перешли на наш берег.

Угол горизонтального обстрела у сорокапятки, насколько

я помнил, достаточно большой, поэтому переставлять станины я не стал, а просто повернул ствол в нужном направлении. После каждого выстрела я смотрел в бинокль, стараясь разглядеть всплески воды, и корректировал прицел. Уже четвертый снаряд угодил в переправу, о чем свидетельствовал яркий взрыв, осветивший серые тени, спешащие по понтонному мостику на тот берег. Я сместил прицел чуть дальше и смог положить еще пару снарядов на переправу, чтобы ею гарантированно нельзя было воспользоваться. Конечно, через узенькую речку немцы легко переплывут с помощью досок и бревен, но вот помощь к ним уже не подойдет.

С немецкой стороны стрельба окончательно стихла, и я решил, что настала пора решить, что делать дальше.

– Товарищ сержант, а кто у вас командует ротой?

– Старшина Свиридов.

– Где его можно найти?

Но искать Свиридова не пришлось, он уже сам подошел, чтобы посоветоваться со старшим по званию командиром, за которого меня принимал. Вдруг я что-нибудь умное посоветую. Вместе с ним подошли человек двадцать красноармейцев, видимо, половина всего личного состава роты.

Откашлявшись от порохового дыма, я толкнул небольшую речь, постаравшись высказать свою точку зрения в двух словах:

– Товарищ старшина, нужно выяснить, не остались ли на нашем берегу фашисты, и уничтожить их, пока они не успе-

ли окопаться.

Свиридов был со мной полностью согласен, и именно для этой цели он собрал в одном месте бойцов, до этого занимавших оборону по всей траншее. Вот только, как ни хотелось ему самому пойти на разведку, но он должен был остаться командовать остатками роты. Поэтому старшина решил, что возглавить группу разведчиков придется мне. Похоже, что после моих не то чтобы метких, но достаточно удачных выстрелов из пушки, он мне полностью доверял. Выстроив немногочисленных бойцов, Свиридов скомандовал:

– Рота, слушай мою команду. Десять человек идут со старшим лейтенантом, остальные продолжают удерживать оборону.

Я взял пулеметчика с «дегтяревым», а прочие солдаты захватили с собой по одной гранате, больше в роте просто не нашлось. Лицо и ладони я приказал вымазать глиной, хотя особой необходимости в этом не было – после боя все и так были измазаны, как черти. Мне повезло, что и куртка и брюки на мне были черными – как раз то, что сейчас нужно.

Чтобы оставить руки свободными, я не стал брать громоздкую винтовку, а отстегнул ремень вместе с кобурой у одного из погибших артиллеристов. Перепоясавшись командирским ремнем и проверив оружие, я стал чувствовать себя гораздо увереннее. Да и бойцы теперь смотрели на меня более уважительно. До этого перед ними стоял просто гражданский, потерявший головной убор, а теперь сразу видно

– красный командир. Насколько я знаю по книгам, во время войны некоторые командиры не всегда одевались строго по форме, отдавая предпочтение кожанкам. За удобство и стильность их любили носить политработники, особисты и старший комсостав. В общем, те военнослужащие, которым никто не сделает замечание о нарушении устава.

Предварительно посоветовавшись с солдатами, которые хорошо знали местность, я решил, что мы не пойдем прямо к реке, а возьмем левее. В этом случае отряд выйдет как раз на холмик слева от переправы и сможет обстрелять немцев с фланга.

Мы пробежали по окопам метров триста на юг, затем повернули направо и, пригнувшись, пробрались через невысокий кустарник, росший у берега. Я надеялся, что он закроет нас от немецких наблюдателей.

Прежде чем взобраться на холмик, я послал туда пару бойцов на разведку. Они с двух сторон заползли на вершину и помахали оттуда рукой, показывая, что там никого нет. Терять время на передвижение ползком смысла не было, так как с западного берега нас все равно не видно, и бойцы маленького отряда быстро забежали на холм, где тут же залегли. Показав пулеметному расчету, где им расположиться, чтобы одновременно и держать под прицелом переправу, и прикрывать нас, я начал внимательно осматривать местность. На западном берегу никого не было видно. Очевидно,

оставшиеся в живых немцы, переправившиеся обратно, уже отошли на свои позиции. А вот с нашей стороны реки на песчаном пляже кое-где виднелись вытянутые темные силуэты. Но не было слышно команд или звона оружия, и никто не окапывался. Тишину нарушали лишь стоны раненых. Только один плачущий голос повторял жалобно «майн гот, майн гот». У самого среза воды, в том месте, где были разбросаны доски, оставшиеся от переправы, лежали ящики, выделавшиеся своими прямыми линиями среди бесформенных пятен, покрывавших берег.

– Пятеро со мной, остальные прикрывают, передать по цепочке, – скомандовал я шепотом.

Ближайшие ко мне бойцы подползли ближе, и я провел инструктаж:

– Движемся парами, дистанция между парами десять метров. Оружие собираем. И помните, нам нужны пленные, причем желательно найти офицера или унтера.

Ползком мы спустились с холма и, растянувшись цепочкой, поползли дальше вдоль берега. К ящикам я приближаться пока не стал, ведь в них наверняка боеприпасы. Один удачный выстрел, и все, кто находится рядом, обречены. Правда, там еще виднелись очертания пулемета МГ с треногой, задранной кверху, но я все равно не умею им пользоваться. Конечно, при дневном свете можно буквально за полчаса разобраться, как вставлять ленту, и найти у него спуск. Но вот ночью пользы от трофейного пулемета будет мало.

Первый немец, к которому мы подползли, был очень тяжело ранен. Даже в темноте было видно, что на месте живота у него одна сплошная рана, а в ноздри ударил тяжелый запах крови. Наверно, его принесли сюда, чтобы эвакуировать, а когда переправу уничтожили, фрица бросили умирать здесь. Я закрыл немцу рот ладонью и показал Стрелину знаком, что надо делать. Сам не знаю, почему так поступил. Из милосердия или же потому, что как «язык» он для нас ценности не представлял. Честно говоря, я даже обрадовался, что забыл взять с собой нож или штык. И так звуки перерезаемого горла, хрип и бульканье были не очень приятными.

Сержант пополз дальше, и я поспешил за ним, чтобы не отставать. Соседние пары уже нашли раненых и вязали их ремнями, а нам попадались только трупы, лежавшие и поодиночке, и группами. То и дело попадались маленькие воронки. Скорее всего, работа ротных минометов. Видимо, все эти немцы погибли еще в начале боя, когда попали под пулеметно-минометный огонь.

– Командир, – послышался тихий окрик справа. Бойцы, пеленавшие очередного фрица, продемонстрировали мне автомат и серебристые галуны вокруг воротника. Как раз унтер нам и нужен.

Но вот повезло и нашей паре. Раненый, на которого мы наткнулись, сидел и, видимо, пытался делать себе перевязку. На мой оклик «хенде хох» он поднял одну руку, а вторая безжизненно висела. Так как оружия у него не было видно,

то мы спокойно подползли. Перевязочный пакет фриц уже приготовил, правда, воспользоваться им так и не сумел, и я уже во второй раз за сегодняшний вечер быстро перетянул рану бинтом.

– Туда, – махнул мой напарник рукой в сторону от реки, – ком, шнель.

Мы уже убедились, что засады ждать не приходится, поэтому я приказал Стрелину прислать побольше бойцов для сбора трофеев.

Сержант, обвешанный немецкими карабинами, отправился конвоировать ходячих пленных, обгоняя парочку, тащившую унтера на руках. А я тем временем подобрался к кустам, достал половинку бинокля и еще раз внимательно осмотрел другой берег. Там пока все было тихо.

Вскоре прибыло подкрепление. К моему удивлению, явился почти весь наличный состав роты – человек тридцать во главе с самим старшиной. Но Свиридов пояснил, что из батальона прислали помощь, поэтому нас по-прежнему прикрывают.

Несколько бойцов старшина отрядил собирать оружие с боеприпасами и отгаскивать их к зарослям, а остальные уже оттуда перетаскивали все добро к нашим окопам. Закончив сбор трофеев на берегу, мы перешли ближе к нашим позициям, где происходила завершающая фаза сражения. Здесь тоже нашлось так много добычи, что все даже измучились ее перетаскивать. Вернее, носили тяжести только бойцы, а

мы со старшиной, пользуясь привилегией командиров, лишь наблюдали и руководили.

Когда я вернулся к своим, уже ставшим родными окопам, то в первую очередь напомнил сержантам проследить, чтобы все почистили оружие. В суматохе с пленными и сбором трофеев бойцам действительно было не до этого, а у неопытных солдат еще не вошло в привычку чистить винтовку после каждого боя, что часто вело к порче оружия. Стреляли-то не в тире, а в земляных окопах. Пыль стояла столбом, везде грязь, взрывы раскидывают землю во все стороны. Достаточно нескольким песчинкам попасть в ствол, и при следующем выстреле он придет в негодность.

Помимо забот о сохранности оружия, еще следовало позаботиться о пострадавших. Но когда я нашел санитаря, то, увидев, как тот перевязывает шею немцу, лежащему без сознания, я сорвался:

– Почему занялись немцами, когда еще наши бойцы не все перевязаны, вон у сержанта все ухо в крови. Сначала лечим наших, а потом уже фашистов.

Кипя от возмущения, я в негодовании прошел дальше, оправдывая себя тем, что клятву Гиппократя не давал, и что Германия сама нарушала все мыслимые законы и правила. Но, конечно, уже через несколько шагов повернул назад, попросить извинения у ни в чем не повинного санитаря.

Тот в ответ кивнул и флегматично продолжал завязывать бинт. Что ему чужие командиры, тем более в штатском. Пер-

сонал медвзвода подчиняется только своему командиру медслужбы, а что ему делать, он и так хорошо знает.

Да, неудобно получилось. А ведь как я негодовал, когда в американском сериале про корейскую войну врачи объясняли порядок оказания помощи раненым: сначала американцы, потом корейцы, а потом китайцы. И вот теперь я сам пытался поступить так же.

За этими мыслями я не заметил, как подошел к оживленной разговаривающей кучке солдат и услышал:

– Вот он, товарищ комбат.

При слове «комбат» я мысленно содрогнулся. В моем представлении командир батальона – это грозный подполковник с седоватыми висками и суровым взглядом. У него несколько десятков подчиненных офицеров, из которых он самолично отчитывает лишь майоров и капитанов. На лейтенантов же комбат соизволяет обращать внимание крайне редко, лишь когда они как следует нашкодят или, что случается еще реже, если сумеют отличиться.

Но в реалиях военного времени всё оказалось по-другому. Посреди группки бойцов стоял высокий молодой парень с тремя кубарями в петлицах и с улыбкой от уха до уха. Очевидно, он и являлся командиром батальона. Увидев комбата, я тотчас попытался вытянуться по стойке смирно и доложить по форме:

– Старший лейтенант запаса Андреев в ваше распоряжение прибыл.

К моему удивлению, старлей сразу бросился обниматься, радостно приговаривая:

– Ну, молодец, лейтенант, как вовремя пришел на помощь. Мне уже доложили, как ты броневик подбил.

Закончив с восхвалениями, комбат потащил меня в блиндаж, в котором, судя по коробке полевого телефона и лежащей на столе сложенной гармошке карты, раньше располагался командир роты. Правда, освещалось командирское помещение лишь самодельной лампой, да и вообще, особо уютным его назвать было нельзя. Впрочем, комбат чувствовал в нем себя как у себя дома. Он усадил меня на табурет и сунул кружку воды, которую самолично налил из чайника. О, как кстати, пить мне действительно очень хотелось. Но сделав первый глоток, я тут же выплюнул обратно и закашлялся.

– Это же спирт! – возмущенно прошипел я, ища глазами, чем бы запить.

– Так он же разбавленный. – Командир круглыми глазами смотрел на меня и не знал, удивляться ему или смеяться. – Вот смотри, – и в подтверждение своих слов он тут же одним глотком выпил всю кружку, довольно крикнув.

Ух ты, а я так не умею.

– Извините, – виновато прокашлял я, – но не пью даже разбавленный.

– Ничего, тогда закуривай, – радушно предложил старлей и протянул мне пачку «Казбека», который я раньше видел в фильмах про войну.

Видимо, виноватое выражение моего лица подсказало ему, что курить я тоже не умею. Комбат, хмыкнув, убрал папирсы обратно и, наконец, представился:

– Я командир батальона 215-го стрелкового полка 179-й стрелковой дивизии старший лейтенант Иванов. Но ты можешь звать меня просто Сергей.

Вот это да! Это же тот самый полк, в котором воевал мой дед, в честь которого меня и назвали. Вот только не знаю, служил ли он здесь с самого начала войны. Если да, то возможно, даже смогу его встретить. Ну почему же я раньше не интересовался историей этой дивизии? Где она воевала в сорок втором, я примерно знаю. А вот что с ней происходило в начале войны, не имею ни малейшего представления.

– Александр. Вернее, старший лейтенант запаса Андреев, – спохватился я. – Но у меня с собой нет документов. Боюсь, что подтверждение моей личности тоже получить не получится.

– Ясно, – вздохнул Сергей. – Твой город тоже оккупировали. Но ты хорошо воюешь. Где раньше служил?

Что рассказывать, я уже обдумал на берегу, пока руководил погрузочно-перетаскивающими работами:

– Сидел два года при штабе, бумажки перекладывал, – непритворно вздохнул я. – За все время даже отделением не покомандовал. И в учениях ни разу не участвовал. Когда увольнялся в запас, дали еще один кубарь в петлицы, но, конечно, на полноценного командира взвода я не потяну. Зна-

ния у меня имеются, но чисто теоретические.

Все, что я рассказывал, было чистой правдой. Ну а то, что сидел я не с бумажками, а с компьютером, как единственный человек в штабе, знакомый с подобной техникой, значения не имело. Как и то, что учения в Российской армии в 90-х годах вообще проводились крайне редко.

– Ничего, у нас сейчас большинство командиров такие же запасники, как и ты, да и я тоже не кадровый, – ничуть не расстроился Иванов. – Главное, что ты решительный, а еще видно, что образованный. Назначим тебя на роту, к тому же по численности она сейчас даже на взвод не тянет. В строю осталось чуть больше сорока человек, включая легкораненых.

– Надеюсь *вмою* роту? – Надо же, насколько бой сближает людей. Теперь все эти солдаты были для меня родными, хотя я почти ни с кем из них еще не познакомился.

– Конечно, сюда. Они все ко мне буквально с кулаками подступили. Мол, оставьте старлея у нас.

– А как же...

– Насчет документов не беспокойся. Сделаем мы их тебе.

– Справку выпишут?

– Нет, поступим по-другому. У нас недавно в соседнем батальоне командир роты погиб. Он детдомовский, родственников нет, поэтому его документы тебе отдадим, а штаб полка оформит перевод в мой батальон. Кстати, и звание у тебя останется.

Предложение легализовать меня в этом мире было заманчивым, но что-то не верилось, что это так просто сделать:

– Неужели в штабе пойдут на подлог? – засомневался я.

– А ты можешь предложить нам другой способ раздобыть командиров? Сам смотри, какая у нас сейчас ситуация с начсоставом: В дивизии командира нет, – начал загибать пальцы Иванов, – полком командует капитан, многие комбаты лейтенанты или старлеи, а на роты иногда ставят старшин или даже старших сержантов.

– Ладно, убедил. И как меня теперь зовут?

– Соколов Александр. Отчество не помню, потом узнаем. Кстати, что у тебя под курткой, кольчуга что ли?

– Ну да.

– И что, она и вправду спасает от пуль?

– Да нет, что ты. – Я рассмеялся. – Она защищает только от холодного оружия. Просто... это мой отец принес трофей с войны. Так сказать, семейная реликвия. Вот я ее и надел, когда эвакуировался.

Кстати, давно пора ее снять. Толку от нее в современном бою нет, а таскать лишнюю тяжесть, когда я и так буду нагружен амуницией, мне не хочется. Да и ненужные вопросы могут задавать.

Так, ладно, вернемся к служебным обязанностям.

– Скажи, Сергей, пленных уже допросили?

– Нет, утром доставим в дивизионную разведку, там и допросят.

– Черт, а если там новое нападение готовят? Среди пленных был офицер, но он, наверно, до сих пор без сознания. А вот унтера порасспросить можно.

– Пойдем, расспросим, – охотно согласился Иванов. – А ты немецкий хорошо знаешь?

– Нет, я английский учил, а немецкий знаю только на уровне хенде хох – ком цу мир.

– Досадно, – нахмурился Сергей. – Я в школе, правда, учил, но разговаривать не смогу. Ну ничего, выкрутимся как-нибудь.

По дороге комбат с довольным видом перечислял трофеи и потери немцев:

– Пленных двадцать восемь, убитых нашли сорок семь, а кроме этого, экипажи сгоревших машин. Кого-то убило на переправе, и наверняка у них есть умершие от ран. Так что всего убито не меньше шестидесяти германцев, и должно быть больше сотни раненых. Неудивительно, что они отступили. Трофеев взяли четыре станковых пулемета, девять ручных, шесть пистолет пулеметов, больше сотни карабинов, много гранат и патронов. А с нашей стороны семь убитых и восемнадцать раненых – это считая с артиллеристами и санитарями.

Мы подошли к землянке, охраняемой двумя часовыми, где содержались легкораненые пленные. Внутри горела лампа, сделанная из гильзы сорокапятки, и при ее свете можно

было осмотреть немцев. Офицера здесь не было, но я знал, что он тяжело ранен, и его, наверно, уже унесли в медсанбат. Зато унтер, на которого я так надеялся, выглядел вполне здоровым. Он сидел на лавке и спокойно беседовал с другими солдатами.

Комбат показал на него рукой и грозно прикрикнул:

– Ком цу мирен, шнейли.

Да, Иванов не врал. Немецкий он знал не намного лучше, чем я. Но немец его все-таки понял и, заложив руки за голову, спокойно вышел к нам. Мы привели его в мой блиндаж, я развернул карту, а старлей разливал нам горячий чай, который кто-то уже успел принести. Унтеру, кроме того, старлей налил полкружки «развязывателя языков». Себе Сергей на этот раз спирт наливать не стал, хотя я видел, что он на него чуть ли не облизывается.

Тем временем я мельком осмотрел нарисованную от руки карту, на которой были обозначены наши позиции. Речка оказалась Западной Двиной. Судя по тому, что ее ширина здесь не превышала пятидесяти метров, мы находились в самых верховьях реки. Она текла на югозапад, затем делала крюк к востоку километра на три. Наш полк оборонял участок берега, ограниченный с севера селом Рожня и деревней Козлово, а с юга селом Лубенькино, служившими опорными пунктами. Посередине позиций находился штаб полка, на окраине села Глухарево. Так, хорошо, кое-что прояснилось. А вот что плохо, так это то, что подробных сведений о

расположении противника, его силах и системе огня на карте удручающе мало. Ну, ничего, для того мы «языка» и брали, чтобы восполнить пробелы. Вот только как с ним объясняться?

Я без особой надежды попытался заговорить с пленником на английском, и, к моей несказанной радости, он тут же бегло и вполне понятно ответил мне, что его зовут Отто Лаукс, звание унтер-фельдфебель, а должность командир какой-то шуеценгруппы в 232-м пехотном полку 102-й пехотной дивизии. Судя по тому, что в его группе числилось десять человек, это было отделение.

С опаской посматривая на Сергей и доверчиво на меня, Отто пил все, что ему предлагали, и покладисто отвечал на вопросы. Мне было даже немного обидно, что он меня не боится. Неужели я в черной кожаной куртке и с пистолетом на боку не похож на грозного комиссара? Но Отто объяснил мне, что раненый солдат, которого я перевязывал, рассказал ему о добром «человеке в черном», поэтому он точно знает, что его не убьют.

Я потихоньку отхлебывал чай, переводя комбату рассказ пленного. История унтера была самой обычной. Отто Лаукс давно мечтал учиться, но надо было работать, чтобы помогать семье. Наконец, в тридцать девятом году он поступил в институт, по ночам подрабатывая в типографии. Жизнь начала налаживаться, но со второго курса его вдруг призвали в армию. Так как он был достаточно образованным, то его

назначили унтер-офицером. Полгода полк Лаукса усиленно тренировали, объяснив, что якобы готовят к летней высадке в Англии, и даже выдали английские разговорники. Так что прилежный Отто по вечерам еще усиленно зубрил английский, который и до этого немного знал.

Тут я не преминул блеснуть эрудицией, рассказав Сергею о хорошо подготовленной системе дезинформации, благодаря которой Германии удалось скрыть широкомасштабные приготовления к нападению на СССР. Немцы открыто демонстрировали войска и технику, перебрасываемые на запад, и до мая держали там больше войск, чем на востоке.

В июне 232-й полк Отто погрузили в эшелоны, но направили не к Ла-Маншу, а в Пруссию, где оставили в резерве. Летом они в боях почти не участвовали, а в начале сентября их перебросили сюда, и сразу начались постоянные атаки, в которых погибло много солдат.

Другие два полка его дивизии – 233-й и 235-й смогли с ходу форсировать реку в том месте, где не было наших войск, и занять плацдарм, который успешно удерживали две недели. А вот сослуживцам Отто не повезло, так как на этом участке уже успела занять оборону наша 179-я дивизия.

– Ну надо же, какое совпадение, – заметил Сергей. – В его дивизии полки с номерами 232, 233 и 235, а в нашей есть 234-й. – Он показал на карте пять сел на восточном берегу Западной Двины, занятые немцами. Ближайшее из них – Дулово, находилось всего в трех километрах к югу от нас.

– Это село сейчас атакует 259-й полк нашей дивизии. В нем меньше двухсот человек, а в селе повсюду дзоты и минные поля, поэтому наши пока не могут выбить немцев.

– Два дня назад, – продолжал Отто – русские войска начали наступление на плацдарм, но их было меньше, чем обороняющихся, позиции очень хорошо укреплены, поэтому никто не беспокоился. Однако ночью русские незаметно переправились через реку и смогли захватить село Данилово вместе с расположенной там артиллерийской батареей. Бои шли день и ночь, германцы постоянно контратаковали, но их постепенно теснили. А сегодня тот русский полк, который укрепился на западном берегу...

– 912-й, – пояснил Сергей.

– ...неожиданно переправился через реку и ударил в тыл обороняющимся. Положение немцев стало катастрофическим.

– Это очень хорошо, что немцы поставили здесь необстрелянную дивизию, – заметил комбат. – Поэтому наши и смогли выбить с плацдарма врага, который по численности превосходил их в три раза.¹

– Офицеры ворчали, – продолжал Отто, – что надо или посылать помощь на плацдарм, или давать приказ на отход, так как окруженные войска не получают боеприпасы и долго не продержатся.

¹ До вмешательства попаданца все события происходили точно так же, как и в нашей истории.

– Ну, помощи им ждать неоткуда, – заметил я. – Основные силы группы армий «Центр» сейчас концентрируются южнее, примерно в сотне километров отсюда, и там же сосредоточены почти все резервы.

– Чтобы помочь окруженным полкам, – продолжал Отто, – одному батальону моего полка было приказано форсировать реку и ударить в тыл советским войскам, штурмующим Дулово. Их усилили ротой тяжелого батальона, дали один «Штуг-3» и бронетранспортер «Ганомег».

Тут я остановил допрашиваемого и попросил объяснить, что это за «штуга» такая. Оказалось, что так называется самоходное орудие на базе «троечки» (танка Pz-III) с 75-миллиметровой пушкой.

Все это проясняло обстановку, но больше всего меня волновало, не собираются ли немцы опять нас атаковать. По уверениям унтера, на этом участке кроме остатков их батальона и батареи минометов никого не было. Саперный батальон, который наладил переправу, уже отправили вниз по реке к селу Ерохино, помогать соседям эвакуироваться с левого берега. А запасной батальон, составлявший резерв полка, направили на плацдарм еще два дня назад.

Свои объяснения Отто для наглядности пояснял пометками на карте, и перед нами постепенно вырисовывалась вся система обороны немецкой дивизии. Иванов не уставал нахваливать унтера, так что тот перестал, наконец, бояться комбата и даже, вспомнив свои права военнопленного, по-

просил у него закурить:

– Нам и так в день положено только семь сигарет, так еще ваши солдаты все выгребли, – объяснил Лаукс свою скромную просьбу.

Затянувшись папиросой, немец слегка поморщился, но дымить не перестал. Какая, в самом деле, разница, что курить, никотин он и есть никотин. Разомлевший пленный довольно улыбнулся и продолжил рассказ, попыхивая «Казбеком».

Учитывая результаты предыдущих боев и сегодняшнего побоища, от батальона в котором служил Отто, осталось меньше половины первоначального состава. По мнению унтера, немцы, скорее всего, решат отойти к ближайшему селу и начнут там окапываться. Он посетовал, что атаку начали, не дождавшись подхода гаубичной батареи, которую им одолжила 251-я дивизия, тоже входящая в 23-й корпус.

Тут мы с Сергеем насторожились. Командир подлил еще спирта и утешающе похлопал Лаукса по плечу.

– Ну-ну. Мы все крепки задним умом.

Я задумался, как все это перевести на английский, но немец, кажется, и так понял, что его жалеют. Вот как интересно получается. Посидишь рядом с фрицем, побеседуешь, и окажется, что он неплохой парень. А если бы он не попал в плен, то снова стрелял бы в нас и считал, что поступает правильно. Впрочем, нечего сантименты разводить, надо продолжать допрос «языка».

– И куда эта батарея следовала? – поинтересовался я как бы между делом.

– Не знаю, наверно, к нашей минометной батарее. Тут вокруг грязь и леса, и только одно удобное для стрельбы место – открытое и сухое.

– А ведь верно, – обрадовался комбат, – по карте видно, что между болотом и перелеском притулилась большая поляна, и как раз оттуда били минометы. Кстати говоря, место для артиллерии просто идеальное – оно лежит в середине излучины реки, и оттуда очень удобно обстреливать наши позиции на левом берегу.

Выяснив все, что хотели, мы отправили Отто в его землянку, чуть не забыв дать ему сопровождающего, и стали обсуждать ситуацию.

Глава 2

19 сентября. 01.00

Мнения у нас с Сергеем полностью совпали. Может быть, немцы отзовут свои гаубицы обратно, и нам они угрожать не будут. Но все равно эти орудия завтра начнут стрелять по нашим войскам. Нельзя упускать такой удобный случай лишить противника сразу четырех или шести пушек.

Время у нас пока есть, ведь вряд ли их прямо сейчас повезут обратно. Понадобится как минимум несколько часов на различные согласования между штабами батальона, полка и обеих дивизий. Да и везти тяжелые орудия ночью лишний раз не стоит. Так что, скорее всего, артиллеристы останутся до утра на этой полянке, где в радиусе километра от них никого нет.

– Сколько сейчас времени? – жаль, но я не догадался забрать у пленного офицера часы в качестве трофея.

– Только час ночи. До рассвета времени достаточно.

– А фаза луны какая?

– Как раз завтра новолуние.

– Отлично, темная ночка это то, что нам надо. Тогда сделаем так. Я возьму из своей роты всех, кто не ранен, и еще человек двадцать ты мне выделишь из соседней. В полнокров-

ной гаубичной батарее людей и так будет раза в два больше, чем у нас, да плюс еще минометчики. Да, еще я заметил, что у тех бойцов, которых ты привел на помощь, есть «дегтярь», его я тоже заберу вместе с нашим. Пусть твои хлопцы пока немецкие МГ осваивают, у нас их много. Также возьму оба батальонных миномета и все исправные автоматы. Если мы подойдем к батарее незаметно, то справимся. Ну, а в крайнем случае обстреляем из минометов машины с боеприпасами. А пока нас не будет, саперы полка и все свободные бойцы, которых можно выделить, попробуют починить переправу.

Подготовка к операции велась максимально быстро. Старшину я попросил отобрать четверых самых умелых бойцов. Этой четверке нужно подобрать немецкую форму по размеру, а всем остальным раздать трофейные каски, чтобы в темноте они издали были похожи на фрицев. Подумав, я скинул куртку и тоже переделся в немецкую форму. Конечно, хорошо бы надеть мундир офицера или унтера, но на мой рост ничего подходящего не нашлось. Наверно, всех высоких «арийцев» зачисляли в подразделения СС.

Собрав свой небольшой отряд, я разъяснил красноармейцам нашу задачу. От бойцов требовалось всего-то незаметно подойти к расположению батареи, по возможности бесшумно снять часовых, и если повезет, то без стрельбы переколоть немцев штыками. Ну, а в случае, если начнется стрель-

ба, уничтожать немцев пулеметно-минометным огнем.

Хотя бойцы устали, но они прекрасно понимали, что такое гаубичный обстрел. Поэтому никто не жаловался на прерванный отдых, и все горели желанием расправиться с немецкими артиллеристами.

Нашим новоиспеченным разведчикам я лично показал, как им парами нужно снимать часовых. Один держит правую руку противника, не давая выстрелить, а второй зажимает рот и бьет караульного сзади ножом в сердце или же снизу под ребро. После демонстрации и небольшой тренировки я провел для всех краткий инструктаж по штыковому бою:

– Проникающее ранение холодным оружием, даже не будучи опасным для жизни, угнетающе действует на психику человека. Он держится руками за рану и не пытается нападать. Поэтому в штыковом бою достаточно уколоть врага один раз, после чего надо быстро переходить к следующему. Всех, кто останется в живых, добиваем после боя.

Честно говоря, не знаю, относится ли все вышесказанное к тренированным немецким солдатам. Но в любом случае в штыковую атаку я собирался идти, лишь если противник будет спать, а в этом случае ожидать организованного сопротивления не приходится.

Напомнил я также о том, что желательно оставить в живых какого-нибудь офицера, но это уж как получится.

Каждому, кто не нес пулемет или миномет, раздали по одной заранее снаряженной немецкой «колотушке» и по две

мины. После этого я заставил всех попрыгать, и еще минут десять ушло на подгонку снаряжения. Наконец, все были готовы, и мы, растянувшись цепочкой, начали спускаться к разбитой переправе.

Один из понтонов, лежащий у самого берега, оказался совсем целым. Это я заметил, еще когда собирал трофеи. Бойцы быстро оторвали его от соседнего, столкнули в воду, и мы поплыли на своем импровизированном пароме, отталкиваясь от дна шестами.

На вражеский берег отряд переправлялся в два приема. Сначала один взвод с пулеметом высадился на пляж, где тут же залег. А затем, так как никто по нам не стрелял, переправились и все остальные. Тревогу пока никто не поднимал, поэтому мы, пригнувшись, стали передвигаться вперед короткими перебежками, пока не подобралась вплотную к немецким позициям. Во вражеских окопах, как я и надеялся, было пусто. Видимо, немцы решили подстраховаться и занять круговую оборону в селе. Вот и славно, теперь мы спокойно могли пройти через лесок, отделяющий нас от заветной цели.

Не доходя до поляны метров двести, я приказал отряду залечь, а сам с разведчиками пополз к краю рощи. Результат осмотра сразу поднял всем настроение. Вся артиллерийская обслуга спала, разумеется, кроме часовых. А пушек мы насчитали целых четырнадцать штук. Секретов самонадеян-

ные немцы не выставили, видимо считая, что находятся в тылу, и караульные открыто прохаживались или стояли под деревьями.

Пары бойцов поползли вправо и влево и вскоре вернулись с докладом. Всего было выставлено пятеро часовых, причем двое из них, контролировавших дорогу, находились вне зоны прямой видимости. Ну что же, с них мы и начнем. Хорошо, что сейчас сентябрь, и листва еще не опала. Это позволяет подобраться к немцам вплотную. Плохо только то, что один из часовых, стоявший рядом с орудиями, находился от ближайших зарослей метрах в тридцати. Но к этому я заранее подготовился. Раздав необходимые указания, я достал бинт и быстро обмотал себе шею и правую руку, которую повесил на перевязь. Не владея немецким языком, нельзя было рассчитывать сойти за своего, но приходилось рисковать.

Разведчики вернулись минут через десять. Каждая пара успешно сняла «своего» часового: быстро и без звука. Во всяком случае, я ничего не услышал. Теперь важно было синхронизировать наши действия по времени и напасть на оставшихся троих караульных одновременно.

Ну, была не была. Я вышел на дорогу и направился прямо к часовому, расхаживающему вдоль ряда пушек с винтовкой на плече. Увидев фигуру в немецкой форме, без оружия и перебинтованного, он не встревожился и даже что-то сочувственно спросил. Из всей фразы понятным для меня оказалось только слово «камрад», но было ясно, что пока все идет

по плану.

Прохрипев что-то невразумительное, я махнул рукой в сторону реки, после чего достал бумажку, которую нащупал в кармане, и «здоровой» левой рукой протянул ее немцу, приговаривая:

– Отто, Отто, – стараясь произносить слово точно так же, как мой пленник.

Ничего не подозревавший часовой спокойно протянул руку и наклонился, чтобы разглядеть в темноте, что же там написано. Но посмотреть он не успел. На этот раз нож я захватить не забыл. Комбат лично вручил мне финку, как нельзя лучше подходящую для такой работы. Гладкая рукоятка, лишенная выступов, позволяла быстро выхватывать нож из-под одежды, ни за что не зацепившись. Как запасной вариант на поясе у меня еще висел немецкий штык-нож, доставшийся по наследству от предыдущего владельца формы.

Нет ничего проще, чем ударить противника, когда он не закрывается руками и не смотрит на тебя. На турнирах было намного сложнее, ведь тогда соперники внимательно следили за моими движениями, и в руках у них были такие же длинные мечи, как и у меня. Но там было и намного проще, потому что от моей ошибки не зависела ничья жизнь.

Полоснув немца под подбородком, я тут же схватил его обеими руками, чтобы шум падающего тела никого не разбудил. Осторожно оглядевшись по сторонам, я аккуратно положил труп на землю и помахал в сторону леса перебинто-

ванной рукой, выделявшейся своей белизной на фоне окружающей темноты.

Судя по времени, других часовых уже должны были снять. Поэтому наши солдаты, которые уже ждали на краю леса, сразу же поднялись и цепочкой пошли в сторону спящих немцев, охватывая их полукругом.

Ночи были еще не очень холодные, и фрицы легли спать в спальных мешках прямо на траве, подстелив брезент. Только три палатки сиротливо торчали в сторонке. Я показал сержанту, который принес мне мою винтовку, на эти палатки и шепотом напомнил, что нужно постараться хоть одного взять живьем.

Для солдат в армии, а тем более на войне, главные желания – это поесть и поспать. Питание в вермахте было налажено отлично, но вот выспаться вволю оставалось заветным и не всегда выполнимым желанием для немцев. Поэтому они наверняка с энтузиазмом восприняли приказ отдыхать, когда им разрешили оставить орудия в походном положении и не готовить для них позиции. Все спали как убитые, и только в одной из палаток светился маленький огонек. Скорее всего, офицер работал с документами, а потом так и уснул, не выключив фонарик.

Согласно моим инструкциям, бойцы быстро прошли через ряды врагов, запеленутых в свои мешки, нанося каждому только по одному удару, хотя многие из них не умирали сразу, а начинали кричать. Последние немцы, до которых

дошла очередь, уже успели вскочить на ноги, но без оружия шансов у них не было. Правда, одному дюжему немцу с фигурой борца удалось отнять винтовку у молоденького солдата и кого-то поранить, но, обладая численным преимуществом, наши разъяренные бойцы быстро закололи всех сопротивлявшихся. Дойдя до последнего ряда, красноармейцы развернулись и прошли обратно, теперь уже добивая умирающих, старательно целясь им в голову. Много времени зачистка поляны не заняла. Хотя количество пушек тянуло на целый дивизион, но немцев насчитывалось не больше двух сотен. Скорее всего, потому, что из дивизиона успели прибыть только управление и расчеты орудий.

Тем временем мы с сержантом и еще одним бойцом выбили подпорки у палаток, и когда упавшее полотнище очертило лежащие фигуры, нанесли несколько ударов в руки и ноги. Из-под соседней палатки хлопнул пистолетный выстрел. Я подскочил туда, но сержант уже опередил меня и со всего размаха всадил штык в темную шевелящуюся массу.

Разрезав брезент, мы собрали пистолеты и даже нашли два автомата, которые предусмотрительные офицеры держали при себе. Я приказал быстрее оказать пленным первую помощь, чтобы они не умерли от потери крови раньше времени, и отправился осматривать трофеи. Нашу военную технику я раньше частенько разглядывал на «Панораме Сталинградской битвы», но целые немецкие пушки видел первый раз.

81-миллиметровых минометов, которые обстреливали нас вчера, на поляне уже не было. Вдоль грунтовой дороги, тянувшейся с северо-запада, стояли вперемешку орудия, тягачи с прицепленными к ним гаубицами, машины и повозки. Лошадей видно не было, но, судя по доносившемуся ржанию, они находились недалеко. Восемь пушек были, очевидно, теми самыми 105-миллиметровыми гаубицами, ради которых мы сюда и пришли. Помимо них, еще имелись два орудия с большим калибром, видимо 150 миллиметров. А вот четыре маленькие пушечки с очень коротеньким стволом меня удивили. Стволик лишь немного выглядывал из щита, да еще был заключен в прямоугольный кожух, откуда высовывался лишь на несколько сантиметров. Видимо, это полковые 75-миллиметровые орудия, которые имели такой высокий угол подъема ствола, что могли использоваться в качестве минометов.

Мне сразу же захотелось забрать такие пушечки в наш полк, ведь жалко уничтожать то, что можно использовать. И тут меня как холодной водой окатило. А как же выводить из строя гаубицы? Как раз об этом я еще не задумывался. До сих пор мне было важнее добраться незаметно до батареи и уничтожить немцев.

К счастью, сержант Стрелин, которому уже пришлось пережить отступление, развеял мои сомнения. Ему приходилось видеть, как взрывают орудия, которые нельзя увезти, и он заверил, что достаточно одной гранаты, чтобы вывести

ствол из строя.

Но прежде чем поднимать шум, мы сначала приготовили всё для эвакуации. Нам очень повезло, что немцы не стали приводить орудия в боевое положение. Иначе пришлось бы искать различные защелки и рычаги, чтобы сдвинуть станины, включить стопоры и подрессоривание, прикрепить лафет к передку. Без опытных артиллеристов ничего этого мы сделать бы не смогли. А так осталось только подвести лошадей и впрячь их в передки и повозки. Правда, как запрягать коней, для меня тоже оставалось загадкой, но бойцы с этим нехитрым делом быстро справились. Впрочем, без ложки дегтя все равно не обошлось. Солдаты, которые привели лошадей, рассказали, что немецкие коноводы успели удрать. Но к счастью, ушли они пешком и направились на север, где, судя по карте, находилось болото.

Решив проблемы с повозками, я посчитал нелишним заодно забрать и мотоциклы. Их здесь насчитывалось около десятка, но почему-то все они были без коляски, хотя, судя по фильмам, такого просто не должно быть. Конечно, ехать на них ночью очень опасно, но бойцы могли просто катить мотоциклы, держа за руль. Из техники также имелись в наличии шесть тягачей, очень напоминавших по внешнему виду бронетранспортер, с которым я недавно познакомился, штук шесть грузовых машин, не меньше двух десятков легковушек и даже несколько велосипедов.

Грузовики мне тоже хотелось угнать, но я не знал, как

их заводить, а спросить было не у кого. В сороковые годы профессия шофера была достаточно редкой, и на передовую их обычно не посылали. Поэтому я не надеялся, что в нашем отряде найдется водитель. Но, к моему удивлению, нашлось целых два знатока автотехники, и им я поручил перегнать все грузовики на наш берег. Одним из этих полуводителей оказался молоденький парнишка, лет восемнадцати, который раньше работал помощником механика в автомастерской. Он залез в кабину трофейного грузовика, стоявшего среди деревьев, мельком осмотрел приборы управления, подсвечивая их трофейным фонариком, и сразу же завел двигатель. Я с интересом наблюдал за его манипуляциями. Конечно, мне и до этого было известно, что раньше на машинах была четвертая педаль, включающая стартер. Но в каком порядке что нажимать и вообще, где какая педаль в здешних автомобилях, я не знал. Интересно, входит ли в программу обучения нынешних средних командиров, как сейчас называют офицеров, курс обучения вождению?

Триумфально посмотрев в сторону «простых пехотинцев» и насладившись нашими завистливыми взглядами, паренек начал переключать скорости, чтобы выехать назад на дорогу. Но тут дело у знатока не заладилось. Грузовик несколько раз дергался вперед и уже почти уткнулся бампером в дерево. Еще один такой рывок, и наш трофей выйдет из строя. Торжествующая улыбка сползла с лица представителя высшей касты, и, наконец, он жалобно обратился

KO MHE:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.